
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДН ЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы стран и регионов

УДК 378+37.08

DOI: 10.31249/espr/2025.03.01

Н.А. Коровникова*

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Аннотация. Уже на протяжении нескольких веков отечественная высшая школа является генератором интеллектуального капитала, катализатором инновационных преобразований и экономического развития страны. В свою очередь, эффективность ее функционирования непосредственно зависит от результатов деятельности педагогических кадров. В силу текущих научно-технических трансформаций и геоэкономических процессов проблема наращивания кадрового потенциала российской системы высшего образования приобретает особую значимость. В настоящей работе последовательно рассмотрены три периода эволюции отечественной высшей школы с целью определения основных организационно-управленческих и социально-экономических факторов ее кадрового обеспечения. В результате получены выводы, которые позволяют лучше понять традиции и текущие возможности решения кадрового вопроса вузов. В их числе: определяющая роль государства как источника финансирования и основного «заказчика» квалифицированных кадров; цикличность и неоднозначность зарубежного влияния; необходимость совершенствования механизма подготовки профессорско-преподавательского состава. Отмечена особая значимость факторов социального престижа и материального положения с точки зрения укрепления кадрового потенциала российской высшей школы.

* **Коровникова Наталья Александровна**, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, России); natalia.kor@list.ru

Korovnikova Natalia, PhD (Polit. Sci.), leading researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); natalia.kor@list.ru

Ключевые слова: высшая школа; кадровое обеспечение; профессорско-преподавательский состав; Россия.

Для цитирования: Коровникова Н.А. Кадровое обеспечение отечественной высшей школы: вчера и сегодня // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 12–35.

N.A. Korovnikova
Staffing of Russian higher education:
yesterday and today

Abstract. For several centuries Russian higher education has remained a generator of intellectual capital, a catalyst for innovative transformations and economic development of the country. In turn, the efficiency of its functioning directly depends on the results of the activities of its teaching staff. Due to the current scientific and technological transformations and geoeconomic processes, the problem of increasing the human resources potential of the Russian higher education system is of particular importance. In this regard, this paper consistently examines three stages of the evolution of Russian higher education in order to determine the fundamental organizational and socio-economic factors of its staffing. As a result, conclusions were obtained that allow us to better understand the traditions and current possibilities of solving the personnel issue of higher education. These include: the defining “role of the state” as a source of financing and the main “customer” of qualified personnel to meet the needs of the country; the cyclical nature and ambiguity of “foreign influence”; the need to improve the mechanism of teaching staff training. Notes the special significance of factors of social prestige and financial status from the point of view of strengthening the human resources potential of Russian higher education.

Key words: higher education; staffing; teaching staff; Russia.

For citation: Korovnikova N.A. Staffing of Russian higher education: yesterday and today // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 12–35.

Введение

В условиях беспрецедентных темпов научно-технических трансформаций и инновационных преобразований последних лет интеллектуальный капитал превратился в один из наиболее ценных ресурсов современного социума. Основной вклад в его формирование вносят структуры высшей школы (ВШ)¹, выполняющие функции генерации новых знаний и технологических инноваций, а также подготовки высококвалифицированных специалистов для удовлетворения потребностей общества и государства. Иными

¹ В данном случае термин «высшая школа» трактуется в широком смысле и относится ко всему спектру высших учебных заведений (институты, академии, университеты и пр.).

словами, ВШ, являясь катализатором развития интеллектуального капитала, служит драйвером роста экономики и общественного благосостояния. В свою очередь, эффективность функционирования ВШ непосредственно зависит от уровня ее собственного кадрового потенциала¹, что неизбежно актуализирует вопрос об определении ключевых факторов его обеспечения.

Все это относится и к отечественной ВШ, которая уже несколько веков остается «кузницей» интеллектуального капитала страны и безошибочным «барометром общества»². После февральских событий 2022 г.³ ее роль и значение неумолимо возрастают в свете геоэкономического противостояния со странами Запада и нарастающей конкуренции со стороны новых азиатских и евразийских партнеров. К тому же выход России из Болонского процесса в мае 2022 г. поставил отечественную ВШ перед необходимостью кардинальных внутренних преобразований с опорой на традиции российской системы высшего образования (ВО). Очевидно, что успешность решения ВШ РФ этой непростой задачи во многом зависит от профессионализма и результативности ее профессорско-преподавательского состава (ППС).

В данном ключе весьма полезным оказалось проанализировать, какие организационно-управленческие и социально-экономические аспекты детерминировали положение и условия труда ППС отечественной ВШ на протяжении всех периодов ее эволюции (досоветском, советском и постсоветском). В результате исследования удалось определить пять главных факторов, которые, не теряя своей актуальности, определяют специфику кадрового обеспечения российской системы ВО. В их число входят: роль государства, зарубежное влияние, система подготовки, социальный престиж и материальное положение. Ниже рассматриваются особенности различных периодов развития отечественной ВШ в проекции пяти перечисленных факторов ее кадрового обеспечения.

Досоветский период становления ВШ

Роль государства. В экспертной среде преобладает точка зрения, согласно которой отечественная ВШ (с момента своего генезиса) формировалась «полностью по воле государства», которое выступало в качестве «монопольного

¹ Фокус данной статьи сосредоточен на выявлении факторов, определяющих положение и условия деятельности профессорско-преподавательских кадров ВШ, в свете того, что именно педагог является системообразующим субъектом образовательного процесса. Хотя кадровый состав вузов помимо педагогического, включает административный, технический, хозяйственный, медицинский и пр. персонал.

² По емкому выражению Н.И. Пирогова: «Общество видно в университете, как в зеркале и в перспективе. Университет есть лучший барометр общества» (цит. по: [Федорова, 2018, с. 64]).

³ Речь идет о начале Специальной военной операции (СВО) на Украине 24 февраля 2022 г., которая стала отправной точкой для существенных геоэкономических сдвигов, затронувших все сферы жизнедеятельности российского социума, включая высшее образование.

заказчика и основателя» отечественной системы просвещения [Гуркина, 2023, с. 103; Князев, 2025]. Формально исходным для развития досоветской ВШ событием принято считать открытие Славяно-греко-латинского училища (академии) (1685)¹, деятельность которого была направлена на кадровое обеспечение «высшего духовенства и государственных чиновников»² [Гуркина, 2023, с. 103]. Однако Я.И. Кузьминов и М.М. Юдкевич обосновывают тот факт, что базисом отечественной ВШ стал «государственный проект формирования Академии наук и первого университета»³, «основным и единственным... драйвером и поставщиком» которого было государство [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 26, 28].

В то же время, несмотря на внушительный вес государственной власти в досоветской системе ВО, было бы некорректно редуцировать «роль государства» до «прямолинейного организационно-управленческого процесса» [Князев, 2025], поскольку степень государственного влияния и контроля «варьировалась в зависимости от общего политического и социального контекста развития страны» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 26]. Эволюцию «монархической» ВШ скорее можно представить в виде модели «амбидентных» (сменяющих друг друга) «реконструкций»: реформ, направленных на «децентрализацию» и «автономность» ВШ и контрреформ, целью которых было построение «авторитарной, формальной, централизованной системы» ВО⁴ [Князев, 2025]. Эти «реконструкции» нашли свое отражение в «типовых общеуниверситетских уставах» 1804, 1835, 1863 и 1884 гг., которые определяли правовое положение и условия деятельности преподавателей императорских университетов⁵, формировавших ядро «монархической»

¹ Хотя в профессиональной среде так и не сложилось единого мнения относительно времени возникновения отечественной ВШ. Так, некоторые исследователи в качестве самостоятельного этапа выделяют «предысторию» ВШ (с XI в.), однако данный подход подвергается критике по целому ряду спорных пунктов (более подробно см.: [Мамяченков, 2018, с. 247–248]).

² Следует отметить, что вплоть до образования Академии наук именно образовательные институты при Церкви готовили «не только священнослужителей, но и специалистов для разных сфер деятельности», в т.ч. «управленческую элиту» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 29].

³ Академия наук с университетом и гимназией в Петербурге (1725) и Московский университет (1755) были открыты под патронажем первых лиц Российской империи (императора Петра I и императрицы Екатерины II, соответственно) [Гуркина, 2023, с. 103].

⁴ Так, государственное влияние снижалось в 1800-е (либеральный период институционального становления ВШ при Александре I) и 1860-е гг. (рост автономии ВШ в вопросах внутреннего управления; открытый доступ для всех социальных слоев; меры по повышению привлекательности преподавательской работы при Александре II), но возрастало в 1830-е (попытки придать ВШ административно-бюрократическую форму; главная функция ВШ – подготовка кадров для госслужбы; переход к модели «национального университета» под государственным контролем при Николае I) и 1880-е гг. («идея университета как стандартизованного государственного учреждения с преподавателями – государственными чиновниками» при Александре III) [Князев, 2025; Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 34, 37–39].

⁵ В 1917 г. функционировало 11 императорских университетов [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 50], общую информацию о которых см. [Императорские университеты ... , 2025].

ВШ. Важным с точки зрения роли государства в кадровом обеспечении ВШ представляется тот факт, что, согласно Уставам, пребывание в должности профессора российского императорского университета «по законодательству трактовалось как вид государственной службы», в связи с чем устанавливался срок службы (25 лет), материальное содержание и пенсионное обеспечение¹ [Хохлов, 2024, с. 25–26].

Государство изначально также являлось основным источником финансирования ВШ², причем госрасходы на образование постепенно возрастали (в 4,5 раза за 1866–1915 гг.). Хотя следует признать, что они составляли весьма небольшую долю от совокупных государственных расходов (варьировались в промежутке 0,2–0,5% за рассматриваемый период) [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 41–42].

В целом можно констатировать, что на протяжении всего досоветского периода государство оказывало существенное влияние на кадровую политику ВШ (посредством контроля за ее материальным обеспечением, содержанием образовательных программ, процессов и пр.). Последняя, в свою очередь, служила основным источником образованных кадров для государственной службы³.

Зарубежное влияние. Существенное иностранное (в основном немецкое) влияние, особенно выраженное на начальных этапах становления досоветской системы ВО, во многом было предопределено временным фактором. Первые университеты в Европе начали активно формироваться уже в XI–XII вв.⁴, то есть более чем на пять столетий ранее генезиса отечественной ВШ⁵.

¹ Уставы 1835, 1863 и 1884 гг. содержали «социальные гарантии и основные компоненты пенсионного обеспечения профессоров и всех лиц, имеющих отношение к императорским университетам» (более подробно см.: [Жуков, 2016, с. 176–178]).

² Вопрос о финансировании ППС встал довольно остро уже на начальных этапах становления отечественной системы ВО. Так, в 1765 г. московская профессура объясняла императрице Екатерине II «неудачи» университета «недостатком средств», который не позволял «заполнить пустовавшие кафедры» [Гуркина, 2023, с. 103].

³ Следует уточнить, что уже с середины XIX в. начинает постепенно формироваться «частный сектор с общественными и коммерческими учебными заведениями», что было обусловлено растущими потребностями отечественной индустрии. Так, накануне революции 1917 г. в систему ВШ входило 124 вуза, из которых 59 относились к негосударственному сектору образования [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 42], развитие которого заслуживает отдельного внимания в ходе дальнейших исследований досоветской ВШ.

⁴ Символичным с точки зрения популярности Болонской системы (в т.ч. на определенном этапе развития постсоветской ВШ) представляется тот факт, что первым университетом в Европе стал как раз-таки Болонский университет, открытие которого в 1088 г. может расцениваться в качестве «старта» дальнейшей институционализации европейской ВШ [Шеховцов, Шеховцова, 2013].

⁵ Единая система национального ВО (сеть высших учебных заведений) во главе с Министерством народного просвещения (учреждено в 1802 г.) были сформированы и того позднее – лишь в начале XIX в. [Гуркина, 2023, с. 104].

Упомянутый выше проект Академии наук также был «реализован на фоне негосударственных инициатив и импорта образовательных идей из Восточной и Западной Европы» (хотя впоследствии все же «вытеснил их») и «с точки зрения человеческих ресурсов» являлся «следствием институционального импорта» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 26, 29].

Фактически на протяжении всего досоветского периода проблема кадрового дефицита в ВШ обычно решалась за счет приглашения иностранной профессуры¹, а «зарубежная научная командировка» оставалась «важнейшей составляющей подготовки научно-преподавательских кадров» [Князев, 2025]. По емкому выражению О.В. Калашниковой, «Россия училась делу образования у Запада» [Калашникова, 2013, с. 60].

Система подготовки. Становление отечественной системы подготовки кадров для досоветской ВШ тормозили причины, не потерявшие отчасти и сегодня своей актуальности. По словам П. Н. Милюкова, в их числе: отсутствие «правильно организованной средней школы», низкая «потребность в высшем образовании» в российском обществе и ориентация ВО на нужды «правительства лишь для целей государственной службы» (цит. по: [Гуркина, 2023, с. 103]). Сказывались также неурегулированность вопроса о присуждении научных степеней и неотлаженность единой научно-аттестационной системы [Князев, 2025; Гуркина, 2023, с. 105].

Однако уже после 60-х годов XVIII в. специальная подготовка ППС ВШ начала проводиться на базе самих университетов, которые формировали свой профессорский корпус на основе отбора наиболее способных выпускников. Иными словами, кадровое обеспечение ВШ осуществлялось во многом за счет «академического инбридинга»². Только в начале XIX в. в Российской империи появляются профильные образовательные учреждения по подготовке педагогических кадров³.

Заметным достижением к началу XX в. стала модель профессиональной подготовки, разработанная Петербургской педагогической академией (1908) и Московским педагогическим институтом им. П. Г. Ше-

¹ Значение иностранной профессуры для кадрового обеспечения досоветской ВШ (в основном на начальной стадии ее становления) наглядно иллюстрируют следующие факты, приведенные в статье А.М. Феофанова: «в 1755 году из намеченных в новом университете 10 профессорских кафедр отечественный преподаватель занял лишь одну – им стал ученик Ломоносова Николай Поповский, тогда как остальные предназначались иностранцам»; а спустя почти полвека (в 1804 г.) из 28 профессорских кафедр Московского университета половину опять же планировалось укомплектовать за счет «вызванной» профессуры [Феофанов, 2011].

² Например, накануне революции 1917 г. в Санкт-Петербургском университете порядка 65% ординарных профессоров начинали свою карьеру в нем же [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 48].

³ Важным событием в этом отношении стало открытие в 1804 г. Петербургского педагогического института, который впоследствии был преобразован в Главный педагогический институт (1816), а затем в Санкт-Петербургский университет (1819) [Князев, 2025].

лапутина (1911), которая заключалась в следующем: «прикрепление в вузе к профессору с целью получения специальной подготовки; командировка в другой вуз России с целью знакомства и изучения опыта коллег для подготовки к преподавательской должности; командировка в один из ведущих вузов за рубежом для изучения опыта преподавания» [Калашникова, 2013, с. 63]. Наконец, в дореволюционной России были заложены основы системы аттестации и повышения квалификации ППС ВШ, которые предполагали научно-практическую, психологическую и морально-аксиологическую подготовку педагогических кадров наряду с соблюдением двух ключевых требований: знания «своих дисциплин», а также способности «к лекторскому, ораторскому мастерству» [Калашникова, 2013, с. 64].

Социальный престиж. Формирование «интеллектуального сословия» началось уже в период правления Александра I, когда оно было институционализировано в Уставе университетов 1804 г. [Князев, 2025]. Со второй половины XIX в. социальный статус ученых и профессуры заметно повысился. Они начали оформляться в самостоятельную страту, «осознающую и отстаивающую свои профессиональные права»¹.

Хотя исследователи отмечают, что в дореволюционной ВШ социальное положение преподавателей существенно дифференцировалось в соответствии с «различной ведомственной принадлежностью» вузов [Гуркина, 2023, с. 101]. Тем не менее их высокий статус подтверждался местом в Табеле о рангах. Например, должность экстраординарного профессора соответствовала по чину полковнику и коллежскому советнику (VI класс); декана, ординарного профессора – статскому советнику (V класс), должность ректоров – чинам действительного статского советника и генерал-майора (IV класс) (приведено по: [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 36]).

Преподавательское сообщество ВШ в предреволюционный период более чем на 50% было сформировано выходцами из дворянской среды (хотя и несостоятельной). Это еще раз свидетельствует о престижности профессорско-преподавательской деятельности, возможности таким образом «построить карьеру» и получить «привилегированное положение в обществе» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 47].

Материальное положение. Материальное положение преподавателей ВШ, как и социальный статус, варьировалось в зависимости от ведомственной направленности вузов, которые находились под патронажем не только Министерства народного просвещения, но и Святейшего синода, Министерств торговли и промышленности, внутренних дел, земледелия и пр., каждое из которых курировало финансирование учебных заведений своего профиля [Гуркина, 2023, с. 105]. Помимо этого, оплата труда в до-

¹ Так, в 1905 г. был создан либеральный Академический союз, в который вошли 1800 преподавателей 39 вузов, впоследствии (почти в полном составе) вступившие в конституционно-демократическую партию [Гуркина, 2023, с. 105].

советской ВШ была детерминирована такими показателями, как статус¹, стаж² и система гонораров³. Причем последняя наряду с заметным ростом численности студентов⁴ способствовала зарождению таких (по сей день весьма острых) проблем развития ВШ, как совместительство и кадровый дефицит⁵.

Несмотря на дифференциацию материального положения преподавателей дореволюционной ВШ, следует отметить весьма достойное содержание профессуры⁶. Зарплата последней в среднем была выше оплаты труда рабочего: 1730–1740-е гг. – в 22 раза; в 1804 г. – в 25; в 1835 г. – в 45; в 1863 г. – в 15; в 1890 г. – в 18, а в 1912 г. – в 17 раз, достигнув суммы 3 тыс. руб. [Шипилов, 2003, с. 37; Жуков, 2016, с. 179].

Таким образом, можно констатировать, что накануне революции 1917 г. в Российской империи сформировались фундаментальные основы и традиции функционирования ВШ, а также механизмы ее кадрового обеспечения. Однако все они подверглись системным трансформациям в русле государственной политики СССР.

Опыт советской ВШ

Роль государства. На протяжении советского периода эволюции отечественной ВШ можно выделить несколько стадий – в зависимости от флуктуаций социально-экономического и политического

¹ Если заработок профессуры «вполне соответствовал уровню и образу жизни среднего горожанина», то доходы приват-доцентов «не всегда отвечали потребностям человека, который должен был содержать семью» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 47] и были даже ниже, чем у преподавателей гимназий [Гуркина, 2023, с. 106].

² Очевидно, что достаток прямо коррелировал со стажем педагогических кадров. В этом отношении интересно отметить весьма «возрастной» характер досоветской профессуры, средний возраст которой составлял 52 года (при средней продолжительности жизни мужчин менее 30 лет) [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 44], что также указывает на приличное материальное положение значительной части ППС ВШ.

³ Уставом 1884 г. была введена гонорарная система, которая предполагала выплаты в зависимости от количества студентов на курсе.

⁴ По некоторым данным, численность студентов с 1898/99 по 1913/14 уч. г. увеличилась на 320%, тогда как рост численности преподавательского состава составил всего 80% [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 49].

⁵ В 1913–1914 гг. при общей численности преподавателей университетов около 4,5 тыс., 655 человек были внештатными приват-доцентами, а 34,5% штатных мест в вузах оставались вакантными [Гуркина, 2023, с. 104].

⁶ Иллюстративным с точки зрения материального положения профессуры в предреволюционной России представляется следующий пример: «Профессор мог позволить себе... питаться, к примеру, в ресторане “Прага” в Москве, где комплексный обед стоил 1 руб. 25 коп. За эту сумму 13 сентября 1912 г. ему бы предложили: консоме, пирожки, биск раковый, расстегайчики, телятину “Букетьер”, жаркое из рябчиков, салат, меренги-гляссе и кофе» [Кудинов, 2014, с. 85].

контекста¹. Однако их объединяет то обстоятельство, что на каждой из них влияние государства было, по сути, безоговорочным во всех аспектах, в т.ч. и в решении кадровых вопросов ВШ². В 1921 г. был принят Устав ВШ³, который фактически ликвидировал ее автономию, система ВО была полностью подчинена советскому правительству⁴. Это, в свою очередь, неизбежно отразилось как на образовательных программах ВШ (в число обязательных вошли «марксистские дисциплины» наряду с закрытием некоторых гуманитарных кафедр и факультетов [Гуркина, 2023, с. 106]), так и на кадровом составе ВШ, положение и условия деятельности которого строго регламентировались нормативными документами советского образовательного права⁵.

В то же время следует подчеркнуть, что развитие ВШ вошло в число приоритетных направлений государственной политики уже на начальных этапах становления советской власти. Об этом свидетельствует размер бюджета ВО на 1927/28 уч. г., который достиг 93,1 млн руб. Причем на оплату труда ППС и «обслуживающего персонала» было выделено 40,4 млн руб. [Писанова, 2014, с. 76]. В целом за 1928–1940 гг. объем государственных ассигнований на ВШ увеличился в 28 раз [Писанова, 2014, с. 77]. На стадии послевоенного восстановления рост общих расходов на просвещение продолжился (с 56,9 млрд руб. в 1950 г. до 68,9 млрд руб. в 1955 г.) [Государственный бюджет СССР... , 2025], что положительным образом сказывалось на развитии ВШ⁶. Сохранилась эта тенденция и на позднесоветской стадии: расходы на образо-

¹ В качестве рабочего варианта (в т.ч. для будущих исследований) автор предлагает следующий подход к периодизации советского этапа: ранняя (постреволюционная, 1917 - к.1920-х гг.), мобилизационная (1930-1940-х гг.), послевоенная (восстановительная, 1950-1960-е гг.) и позднесоветская (предперестроечная, 1970-1980-е гг.) стадии.

² Хотя некоторые исследователи отмечают фрагментарные проявления автономии советских вузов. Например, на раннем этапе развития советской ВШ в 1922 г. было принято «Положение о высших учебных заведениях» (дополнялось в 1925 г. и в 1928 г.), содержащее основы управления советской ВШ, в котором были заметно расширены права ППС [Гуркина, 2023, с. 106].

³ Положение о высших учебных заведениях РСФСР от 2 сентября 1921 г. СНК РСФСР за подписью В.И. Ленина утвердил это «Положение...» как первый устав советской высшей школы [Ильченко, 2025].

⁴ Советская ВШ первоначально оказалась в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР (1917-1946); позднее управление ВШ осуществляли Всесоюзный комитет по высшей технической школе (1932) и Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР (1936-1946). Наконец, управление ВШ было передано под контроль Министерства высшего и среднего специального образования СССР (1946–1988).

⁵ Более подробно анализ источников образовательного права в СССР см.: [Кожевина, 2017; Левченко, 2022].

⁶ Необходимо также отметить, что уже в Конституции 1936 г. был введен принцип бесплатности высшего образования в СССР (в Российской империи высшее образование было платным). Однако реально бесплатным для советских граждан высшее образование стало с 1956 г.

вание (в абсолютной величине) за период 1970–1988 гг. возросли на 26,9 млрд руб. (с 19,8 млрд руб. до 46,7 млрд руб.), или на 235%. Тогда как количество вузов за этот же период увеличилось всего на 10% (с 457 до 507) [Вахитов, 2014]¹. В свою очередь, это указывает на то, что целью образовательной политики государства были не количественные показатели ВО, а качество подготовки квалифицированных специалистов [Вахитов, 2014].

Хотя советскую ВШ считают чрезмерно политизированной, все же нельзя отрицать тот факт, что в результате целенаправленной государственной политики уже в 1930–1940-е гг. была сформирована система ВО, получившая впоследствии всемирное признание². Центральным элементом этой системы являлись ее педагогические кадры.

Зарубежное влияние. Следует признать, что на «ранней» и «мобилизационной» стадиях в советской ВШ предпринимались попытки как использовать заимствованные на Западе образовательные практики и методы³, так и компенсировать нехватку собственных квалифицированных кадров (особенно в годы индустриализации) за счет приглашения иностранных специалистов, получавших «высокую заработную плату (до 1932 г. с обязательной валютной частью) по типовым и индивидуальным трудовым соглашениям» [Долгова, 2025, с. 126].

Однако основным контингент ППС ВШ СССР составляли отечественные специалисты, подготовка и деятельность которых протекали в контексте становления советской образовательной системы, отличной от западной по целому ряду критериев, в их числе [Вахитов, 2014; Рубцов, 2023, с. 70–71]: полное государственное обеспечение, нивелировавшее необходимость поиска источников внешнего финансирования и высокая доля госрасходов на образование (см. выше); ориентация на внутренние стандарты и «знаниевый» подход, подразумевавший обучение студентов «алгоритму применения знания»⁴; всеобщий равный доступ к бесплатному ВО; акцент на фундаментальные исследования и мощная теоретическая база; строгий порядок и структурированность образовательных процессов, отсутствие проблемы

¹ Следует оговориться, что представленные данные отражают общие тенденции по стране, хотя при более детальном изучении можно обнаружить их дифференциацию на республиканском и областном уровнях.

² Эффективность советской системы ВО доказала не только востребованность советских специалистов на Западе («утечка мозгов») в ранний постперестроечный период, но и официальные данные западной статистики: ЮНЕСКО в 1991 г. ставило советское высшее образование на 3-е место в мире [Вахитов, 2014].

³ В т.ч. бригадно-лабораторный, «малых групп», проектов и пр., которые однако довольно скоро показали свою неэффективность в советских реалиях [Гуркина, 2023, с. 107].

⁴ Сравнение преимуществ и недостатков «знаниевого» и «компетентностного» подходов, а также возможности их адаптации к стандартам современной российской ВШ относится к числу дискуссионных вопросов (см. например: [Матушанский, Завада, 2008, с. 30; Рубцов, 2023, с. 70–71]) и требует более тщательного анализа в ходе дальнейших исследований в русле педагогики, социологии, психологии, экономики и пр.

«принудительной» ротации и, как следствие, стабильность профессорско-преподавательской деятельности.

Система подготовки. На стадии становления советской ВШ вопрос подготовки педагогических кадров «стал сродни проблеме создания «нового советского человека». Поэтому «педагогические вузы, открывавшиеся в Советской России в первые годы советской власти, быстро стали важной частью системы ВШ» и «одним из самых массовых типов высших учебных заведений», хотя они и «проигрывали по престижности техническим или медицинским высшим школам» [Бушуева, Бушуев, 2023, с. 13]. Помимо профильных учреждений в 1917–1938 гг. функционировал Институт красной профессуры (ИКП), также готовивший кадры для преподавания общественных наук в вузах¹.

Однако профессиональная квалификация ППС советской ВШ оставалась на весьма низком уровне вплоть до начала 1930-х годов, что неизбежно вызывало серьезную обеспокоенность у советского руководства. Так, в постановлении от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» уровень подготовки в ВШ был признан «неудовлетворительным». В числе причин отмечались необеспеченность вузов квалифицированными научно-педагогическими кадрами и отсутствие качественных учебно-методических материалов [Гуркина, 2023, с. 108]. Поэтому значительное внимание в постановлениях 1930–1940-х годов уделялось совершенствованию и переработке учебных планов, разработке новых программ и учебной литературы, усилению общетеоретической подготовки специалистов.

Важным событием как для развития советской системы ВО в целом, так и для наращивания ее кадрового потенциала в частности, стало создание в 1925 г. аспирантуры (очной и заочной), которая признавалась «основной формой подготовки профессорско-преподавательских и научных кадров». В ряду преимуществ советской аспирантуры следует отметить: понятный порядок зачисления и учебной подготовки аспирантов, четкая формулировка их прав (в т. ч. обеспечение государственной стипендией на 3-летний период обучения) и обязанностей. Помимо этого, были «введены индивидуальные планы научно-исследовательской работы для каждого сотрудника кафедр, а руководству предписывалось создать все условия для систематического повышения научной квалификации работников» [Гуркина, 2023, с. 108]. Уже в 1938 г. в аспирантуре 288 вузов и 267 научно-исследовательских институтов обучались 13 тыс. аспирантов» [Гуркина, 2023, с. 108].

В ходе эволюции советской аспирантуры сформировался получивший всемирное признание механизм ее функционирования, состоящий из последовательных организационных форм послевузовской подготовки²:

¹ Более подробно анализ ИКП как «государственного проекта по обновлению научно-педагогической сферы» см.: [Долгова, 2020].

² Хотя сам вопрос о согласованности вузовской и послевузовской подготовки кадров ВШ не был формализован до 1987 г., когда система послевузовской подготовки стала считаться неотъемлемой частью единой системы непрерывного образования [Матушанский, Завада, 2008, с. 27].

институтов стажеров-исследователей; очного и заочного соискательства; докторантуры и перевода кандидатов наук на должность научных сотрудников [Матушанский, Завада, 2008, с. 29]. Очевидно, что опыт советской аспирантуры востребован и сегодня. Его адаптация к текущим весьма турбулентным условиям функционирования российской ВШ позволит возродить лучшие отечественные традиции и укрепить ее позиции в международном образовательном пространстве.

Социальный престиж. На ранней стадии советского периода статус ППС ВШ был заметно подорван вследствие ряда реформ, начавшихся с 1918 г. В результате в вузы стали принимать без экзаменов и даже без предоставления документа о среднем образовании. Была создана так называемая «пожарная лестница в вузы» для рабочих («рабфаки»), а также отменены ученые степени (степень доктора восстановлена только в 1926 г.) [Гуркина, 2023, с. 106]. Все это негативно сказалось на уровне кадрового потенциала советской ВШ. В связи с чем в 1927–1929 гг. была поставлена задача разработки механизма «планомерной подготовки будущих кадров профессуры и аспирантов» (см. выше) [Калашникова, 2013, с. 65].

Уже к началу мобилизационной стадии (началу 1930-х годов) этот негативный тренд был приостановлен¹. В 1940-е годы привилегированное положение и образ «здоровой зажиточности и бытового изобилия», подчеркивающий особый статус ППС ВШ, лег в основу мифологемы «заслуженной награды», «транслируемой в кинематографе и художественной литературе тех лет»² [Долгова, 2025, с. 128].

В течение следующих стадий советского периода³ отношение в обществе к преподавателям и ученым оставалось исключительно уважительным, вплоть до старта реформ конца 1980-х годов. Педагог ВШ воспринимался как «авторитетный ученый, носитель знаний, еще недоступных для большинства... обладающий высочайшим социальным статусом» [Гуркина, 2023, с. 110, 104], который был подкреплён достойными условиями труда, социальными гарантиями и материальным достатком.

Материальное положение. На протяжении двух начальных стадий развития советской ВШ (вплоть до 1937/38 уч. г.) сохранялась относитель-

¹ При этом численность преподавателей за период 1927/28–1930/31 уч. гг. трехкратно возросла (с 18 тыс. до 47 тыс. человек, соответственно) [Гуркина, 2023, с. 107]).

² Например, в фильмах «Сердца четырех» (премьера 1945 г.); «Весна» (1947), «Суд чести» (1948) и др.

³ Во многом социальный престиж научно-педагогических работников был обусловлен особым отношением к ним со стороны советского руководства. Наглядным примером может служить тот факт, что академиков Академии наук СССР любой член Политбюро (не говоря уже о нижестоящих руководителях госорганов) был обязан принимать без промедлений в течение одной недели [Жуков, 2016, с. 179].

но низкая почасовая оплата труда педагогических кадров¹. Хотя уже тогда наметилась тенденция по улучшению их материального положения. Так, в 1927 г. зарплата профессора составляла в среднем 200 червонных руб. (по сравнению с 182 руб. в 1925 г.), что однако соответствовало лишь «45% до-революционного уровня» [Долгова, 2025, с. 124]

Решением этой проблемы стал переход к штатно-окладной системе оплаты труда ППС (согласно постановлению СНК СССР от 11.11.1937), которая устанавливала месячные оклады, сумма которых варьировалась от 500 руб. до 1500 руб.²

На восстановительной стадии зарплаты работников просвещения (всех уровней) продолжали постепенно расти. Если в предвоенный 1940 г. их среднемесячная денежная зарплата составляла 337 руб., то в 1955 г. ее размер достиг 742 руб. (что соответствовало динамике средней зарплаты в целом по народному хозяйству – 339 и 711 руб., соответственно) [Средние зарплаты ... , 2011]. Причем материальное положение ППС ВШ в эти годы укреплялось не только за счет повышения окладов и их дифференциации «в соответствии с ученой степенью, а также... административной позицией»; но и за счет дополнительного «снабжения... промышленными и продовольственными товарами» (согласно постановлению СНК СССР от 06.03.1946), а также благодаря введению «дополнительных гарантий пенсионного обеспечения»³ [Долгова, 2025, с. 128, 133].

В период «оттепели» был инициирован процесс «упорядочения» заработной платы ППС (за счет отмены ряда надбавок «за отдаленность», понижающих коэффициентов за уровень ученой степени и научной результативности и пр. – подробнее см.: [Долгова, 2025, с. 130–131])⁴. На поздне-

¹ Нормы, установленные для ППС ВШ, определялись Положением об оплате труда служащих по учено-учебной части в ученых и научно-технических учреждениях, высших учебных заведениях, библиотеках, музеях и архивах РСФСР, принятые друг за другом (по причине инфляции) в 1918, 1919 и 1922 гг. [Долгова, 2025, с. 123].

² Размеры должностных окладов ППС составляли: старший лаборант с высшим образованием получал (в зависимости от стажа) 450–550 руб.; преподаватель без степени – 500–600 руб., со степенью – 600–800 руб.; доцент, кандидат наук – 700–900 руб.; профессор, доктор наук — от 1000 до 1300 (при стаже свыше 10 лет); заведующий кафедрой, доктор наук и профессор – 1100–1500 [Гуркина, 2023, с. 109].

³ В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 июня 1961 г. «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» предусматривалось введение в вузах «должности профессора-консультанта,...который получал 50% оклада с сохранением пенсии (но не выше 350 руб. суммарно)» [Долгова, 2025, с. 133].

⁴ Следует отметить, что, несмотря на популярное мнение о «либерализации» (в т.ч. образовательной сферы) в хрущевский период «оттепели», отношение к ВШ в 1953–1964 гг. было неоднозначным. Так, описывая «постсталинскую» школьную реформу в статье, опубликованной в газетах за 21 сентября 1958 г., Н.С. Хрущев отмечал, что «высшая школа могла принять немногим больше трети выпускников средней школы» и предлагал «две радикальные меры: замену двух старших классов вечерней школой и обязанность проработать два года

советской стадии развития ВШ в число основных кадровых проблем вошло «наличие значительного слоя... работников с невысокой результативностью, усугубляемой уравнительностью заработной платы» [Долгова, 2025, с. 133–134]. Тем не менее материальное положение ППС ВШ оставалось вполне достойным. Накануне краха советской системы месячная зарплата кандидата наук, доцента составляла 350 руб., профессора – 450 руб., академиков Академии наук СССР и ректоров крупнейших вузов – около 1 тыс. руб., «при том что первый секретарь райкома КПСС официально получал 380 руб. в месяц» [Жуков, 2016, с. 179].

Ситуация кардинально изменилась на рубеже 1980–1990-х годов. Вследствие «ломки» советской ВШ «рейтинг профессора МГУ стал таков, что стоит он в 5–10 раз дешевле продавца, водителя троллейбуса, уборщицы» [Писанова, 2014, с. 78]). Тогда же ВШ пережила болезненные процессы радикального преобразования при деформации факторов ее кадрового обеспечения.

Кадровый вопрос российской ВШ в постсоветский период

Роль государства. На ранней постперестроечной стадии (1990-е годы) курс российского государства был направлен на «коренное» реформирование отечественной образовательной системы. Последнее во многом негативно сказалось на функционировании ВШ и положении ее ППС, которые были «исключены из числа сфер первоочередной поддержки государства» и «не рассматривались тогдашним руководством Российской Федерации в качестве инструмента решения неотложных задач финансовой стабилизации и реализации необратимых экономических и политических реформ» [Горбунов, 2006, с. 182]. Свидетельством снижения роли государства в управлении ВШ в эти годы¹ стало заметное укрепление негосударственного сектора ВО² [Горбунов, 2006, с. 182], привлекшего некоторую часть научно-педагогических кадров (с 3,8 тыс. человек в 1993/94 уч.г. до 78,8 тыс. человек в 2007/08 уч.г. [О законодательном обеспечении ..., 2010]).

на производстве перед поступлением в вуз» [Кумель, 2003]. Происхождение этих идей, по официальной версии, шло «из кругов руководителей высших технических учебных заведений». Однако уже в середине 1980-х гг., в ходе анализа дискуссий по поводу реформы 22 сентября 1958 г., историк Н.И. Фещенко пришел к выводу о том, что она была навязана преподавательским и административным кадрам ВШ со стороны советского руководства [Кумель, 2003].

¹ Представляется весьма интересным тот факт, что, несмотря на существенное ухудшение условий труда и материального обеспечения ППС в 1990 – начале 2000-х годов, его численность в государственных и муниципальных учреждениях высшего профессионального образования, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, продолжала возрастать с 219,7 тыс. человек в 1990/91 уч. г. до 342,7 тыс. человек в 2009/10 уч. г. [Численность ..., 2011].

² Если в начале 1991 г. на стадии регистрации находилось 45 негосударственных вузов, то в 1992 г. их было 92, в 1994 г. – 141, а в 1995 г. – уже 363 [Горбунов, 2006, с. 182].

Позднее, вследствие политики Минобрнауки РФ, проводимой с 2010/11 уч. г. и направленной на сокращение количества вузов и численности учащихся¹, а также на ужесточение требований, предъявляемых в рамках государственной аккредитации, ситуация заметно изменилась и неизбежно сказалась на численности ППС. За период 2010–2020 гг. она сократилась почти в 1,5 раза в государственных учреждениях ВО и в 2 раза – в частных [Ильина, 2022, с. 130].

После событий конца февраля 2022 г. развитие ВШ и ее кадрового потенциала вновь вошло в число приоритетных направлений госполитики. Об этом свидетельствует рост расходов на ВО с 24,4 млрд руб. в 2000 г. до 712 млрд руб. в 2022 г. [Индикаторы образования: 2024 ..., с. 141]. Более того, согласно закону о федеральном бюджете на 2025–2027 гг., доля бюджетных ассигнований, выделяемых на ВО, продолжит постепенно возрастать с 1,58% в 2025 г. до 1,68% в 2027 г.² [Рост бюджета ..., 2024]. Несмотря на предпринимаемые государством меры поддержки ВШ, общая численность ППС в 2023/24 уч. г. составила всего 216,1 тыс. человек³ [Образование в цифрах: 2024 ..., 2024, с. 95], что объясняется целым комплексом проблем и противоречий ВШ, часть из которых будет освещена ниже.

Зарубежное влияние. Одна из ключевых особенностей постсоветской ВШ – ее сильная зависимость от внешнеполитического курса государства, обуславливающего степень зарубежного влияния на систему отечественного ВО.

Так, в 1990-е годы началась «переориентация» ВШ «на западные стандарты и глобальный академический рынок» [Рубцов, 2023, с. 70]. В начале нулевых вектор образовательной политики оказался направлен преимущественно в сторону англо-американской системы образования. Переломным моментом стало подписание в сентябре 2003 г. Болонской декларации с целью формирования «общего пространства Россия – ЕС в области науки и образования» [Фомичев, 2013, с. 64–65]. Это событие, с одной стороны, вызвало весьма противоречивые процессы в ВШ⁴. С другой стороны, заставило ППС ВШ адаптироваться к новой для нее модели образования через

¹ По некоторым данным, за период 2010–2020 годов количество государственных вузов сократилось с 653 до 497 (на 24%), а контингент их учащихся уменьшился с 5849 тыс. человек до 3715 тыс. (на 37%). В частных вузах эти сокращения оказались еще более ощутимыми: количество вузов с 462 до 213 (на 54%) и с 1201 тыс. до 334 тыс. человек (на 87%), соответственно [Тараканов, Таточенко, Скрынченко, 2024, с. 118].

² Специалисты при расчетах господдержки ВО призывают учитывать уровень инфляции и предупреждают, что при сохранении инфляции на уровне 2024 г. (около 8% по данным ЦБ РФ) в 2025–2027 гг. реальное финансирование науки и высшего образования может сократиться на 4,5–5% [Рост бюджета ..., 2024].

³ Это ниже уровня 2017/18 уч. г. (245,1 тыс. человек), когда наметилась тенденция снижения численности ППС ВШ [Образование в цифрах: 2024 ..., 2024, с. 95].

⁴ В том числе отказ от традиций отечественного образования, превращение ВШ «в сферу услуг», распространение принципов «детоцентризма» [Гуркина, 2023, с. 110–111], «академического капитализма» [Рубцов, 2023, с. 70] и пр.

освоение «компетентностного» подхода, новых организационных и научно-методических требований, стандартов и пр.¹

В свою очередь, выход из Болонского процесса в мае 2022 г. вновь поставил российскую ВШ перед необходимостью кардинальных перемен. Достойно справиться с ними в свете текущих геоэкономических и научно-технических трансформаций возможно только при условии своевременной подготовки квалифицированных педагогических кадров, способных противостоять новым вызовам ВО.

Система подготовки. В современной системе ВО РФ функционирует вполне отлаженный механизм подготовки педагогических кадров для ВШ. Компонентами для него служат профильные педагогические вузы; магистратуры, реализующие дополнительную образовательную программу «Преподаватель высшей школы»; институты дополнительного образования, а также курсы повышения квалификации и переподготовки преподавательских кадров [Калашникова, 2013, с. 65]. Примечательно, что уже в начале 2020-х годов наметилась тенденция роста числа выпускников вузов, получивших квалификацию в области образования и педагогических наук (в 2023 г это увеличение составило 5% по отношению к 2021 г [Образование в цифрах ..., 2024, с. 71]). По результатам приемной кампании 2024 г., педагогические направления вошли в число наиболее популярных среди абитуриентов [Педагогические направления ..., 2025].

Однако нехватка молодых специалистов до сих пор остается в числе кадровых проблем ВШ², что может быть сопряжено с весьма низкими показателями количества выпускников аспирантуры (в т. ч. получивших кандидатскую степень)³. Хотя данная негативная тенденция несколько приостановлена (в 2023 г. было выпущено уже 14,1 тыс. аспирантов [Образование в цифрах ..., 2024, с. 46]) и интерес к аспирантуре среди молодежи постепенно возрастает. Тем не менее ее результативность остается в числе проблемных вопросов функционирования и кадрового обеспечения ВШ, который усугубляется социально-экономическими аспектами деятельности ППС.

Социальный престиж. По данным ВЦИОМ за 2024 г., более 60% россиян продолжают считать, что ВО обеспечивает успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей [Высшее образование в России ... , 2024]. Однако саму профессию преподавателя воспринимают как престиж-

¹ Причем оценки Болонской системы со стороны самих ППС изначально были весьма неоднозначны (см., например, [Чуева, 2011]). Как, собственно, и результаты ее внедрения. Вопрос о плюсах и минусах Болонской системы для российского ВО до сих пор остается в числе наиболее дискуссионных в экспертной среде (см., например: [Губернаторов, 2022]).

² Так, согласно расчетам экспертов НИУ ВШЭ, число преподавателей, осуществлявших деятельность по программам ВО в 2023/24 уч. г. в возрасте до 30 лет составляло 12,9 тыс. человек (всего около 6% от общего числа ППС ВШ) против 60,8 тыс. человек в возрасте старше 60 лет [Образование в цифрах: 2024 ..., с. 95].

³ 13,9 тыс. человек в 2022 г. против 35, 2 тыс. в 2012 г., из которых в 2022 г. кандидатскую степень получили лишь 1,8 тыс. человек (12,9%) [Мартынов, 2023].

ную лишь 16% [Профессии в России ... , 2023], что свидетельствует об относительно невысоком социальном статусе ППС.

Согласно некоторым экспертным суждениям, данный тренд наметился еще в 1980-е годы в силу таких причин, как [Карамышева, Щанина, 2024, с. 26–27; Рубцов, 2023, с. 72]: а) негативные стереотипы, связанные с научно-исследовательской деятельностью, в том числе вследствие невысокой «карьерной» мобильности (которая в определенной степени остается зависимой от наличия ученой степени); б) непрерывно возрастающая бюрократизация ВШ в ущерб креативности и исследовательской инициативности ППС; в) турбулентные условия труда, постоянная актуализация образовательных программ и стандартов, нестабильность развития образовательной сферы в целом, на фоне которых положение ППС представляется весьма неопределенными и воспринимается с недоверием; г) низкая самооценка своей деятельности со стороны самих педагогических кадров¹, в значительной степени обусловленная относительно низким уровнем оплаты труда, несоответствующим временным затратам, существенной когнитивной и эмоциональной нагрузке ППС ВШ.

Материальное положение. Упомянутое выше сокращение госрасходов на ВО (по сравнению с советским периодом) в 1990–2000-е годы естественным образом сказывалось на оплате труда ППС ВШ².

Поворотным стал 2012 г., когда российское государство взяло курс на улучшение материального положения научно-педагогических работников: были подписаны известные «майские» указы, согласно которым ППС ВШ должны получать «вдвое больше средней зарплаты по региону, в котором они живут»³ [Ильин, 2024]. По оценкам экспертов НИУ ВШЭ, эта цель была достигнута уже в 2018 г., когда средняя зарплата ППС по стране достигла суммы 82,5 тыс. руб. при средней заработной плате – 34,6 тыс. руб. [Рудаков, 2023, с. 7]. И эта цифра продолжает расти: в 2024 г. зарплата ППС составила уже 143, 5 тыс. руб. [Рынок труда ..., 2025].

Однако эксперты предостерегают излишне оптимистично оценивать материальный достаток ППС ВШ:

а) с 2015 г. для расчета показателей по «майскому» указу используется не обычная средняя зарплата (работников, которые трудятся по трудовому

1 Согласно результатам ряда отечественных исследований, общая самооценка престижности профессии остановилась на уровне 5,8 баллов из 10 (подробнее см.: [Карамышева, Щанина, 2024, с. 26]).

2 Весьма иллюстративными представляются результаты статистического обследования доходов, проведенного в вузах г. Перми в 1999 г.: более половины респондентов (56,2%) отмечали, что их среднемесячный доход находился ниже установленного в области прожиточного минимума – 716,3 руб. [О вторичной занятости ... , 1999, с. 47–48]. Тогда как по данным официальной статистики, среднемесячная номинальная зарплата работающих в экономике (по стране) в этом году составляла 1522,6 руб. [Среднемесячная номинальная ... , 2003].

3 По некоторым данным, на момент подписания «майских» указов зарплата ППС ВШ составляла 130% средней по региону [Ильин, 2024].

договору у юридических лиц), а среднемесячный доход от трудовой деятельности (зарплаты всех, кто трудится по ГПХ, у физлиц, предпринимателей и пр.)¹ [Ильин, 2024];

б) средняя заработная плата ППС ВШ складывается из зарплат преподавателей разных категорий, размер которых существенно различается²;

в) сохраняются заметные региональные различия в оплате труда ППС и уровне достижения показателей «майских» указов³;

г) оплата труда ППС продолжает зависеть от исполнения административных и управленческих обязанностей в большей степени, чем от академических достижений⁴.

Такое неоднозначное положение ППС ВШ, которое усугубляется существенной преподавательской нагрузкой⁵, неизбежно порождает смежные проблемы вторичной занятости, нарушения преемственности научно-педагогических школ, снижения качества квалификационной структуры ППС, а также угрозу кадрового дефицита. Все это заслуживает пристального внимания и анализа в ходе дальнейших исследований кадрового обеспечения российской ВШ с учетом вновь возникающих эндогенных и экзогенных вызовов ее развитию.

Вместо заключения: факторы кадрового обеспечения отечественной ВШ

Резюмируя вышеизложенное, можно выделить две группы факторов – организационно-управленческих («роль государства», «зарубежное влияние», «система подготовки») и социально-экономических («социальный престиж» и «материальное положение»), – которые оказывают неизменное влияние на функционирование и кадровое обеспечение отечественной ВШ (табл. 1).

¹ Согласно показателям Росстата, по итогам 2023 г. первая составила 74,8 тыс. руб., а вторая – 57,2 тыс. руб. Выходит, что согласно формальной цели «майских» указов средняя зарплата ППС ВШ должна составлять чуть более 114 тыс. руб. (этот показатель превышен). Однако по обычным средним зарплатам эта сумма должна быть выше и составлять почти 150 тыс. руб. [Рынок труда ... , 2025; Ильин, 2024].

² По некоторым данным, зарплата ректора вуза «в небольшом областном центре» может достигать 300–400 тыс. руб. при том, что у ассистента без научной степени – всего 20–25 тыс. руб. [Ильин, 2024].

³ Так, согласно Росстату, в 2024 г. уровень средней оплаты труда ППС в г. Москве достиг суммы более 230 тыс. руб., что почти в 4 раза выше, чем в Карачаево-Черкесской Республике (67 тыс. руб.) [Рынок труда ... , 2025].

⁴ Например, если профессор берет на себя «бумажную работу» в деканате или на кафедре, его зарплата вырастает приблизительно на 50% [Ильин, 2024].

⁵ Так, на одного педагога приходится 5–6 дисциплин в зависимости от статуса вуза [Ильин, 2024], преподавание которых осложняется изменениями образовательных программ после выхода из Болонского процесса. И это, не считая дополнительной методической, научно-исследовательской и практической работы ППС, которая хотя и предполагает стимулирующие выплаты, однако механизм их предоставления требует совершенствования и доработки (см. например: [Заработная плата ... , 2023, с.19–20]).

Таблица 1

Факторы кадрового обеспечения отечественной ВШ*

Факторы	Периоды		
	Досоветский	Советский	Постсоветский (русский)
1	2	3	4
Организационно-управленческие			
Роль государства	Государственный патернализм в вопросах формирования кадрового потенциала ВШ (в первую очередь, ее «ядра» – императорских университетов), степень «автономности» которой определяли сменяющие друг друга государственные реформы и контрреформы	Доминирующая роль государства, оказывавшего существенную финансовую, социальную и правовую поддержку ППС ВШ на всех стадиях советского периода (с незначительными отклонениями)	Рост негосударственного сектора ВШ и его кадрового состава в 1990–2000-е годы; сокращение численности ППС ВШ (в государственных и тем более в частных вузах) вследствие политики Минобрнауки РФ (с 2010/11 уч. г.); усиление господдержки ВШ после февраля 2022 г. наряду с сохраняющимися кадровыми проблемами
Зарубежное влияние	Существенное европейское (преимущественно континентальное) влияние на кадровое обеспечение ВШ на начальных стадиях ее становления вследствие приглашения в дореволюционные вузы зарубежной (в основном немецкой) профессуры наряду с постепенным формированием отечественного корпуса педагогических кадров	Формирование отечественных (отличных, а по ряду параметров превосходящих западные) стандартов системы ВО, опосредовавших научно-педагогическую деятельность в ВШ	Усиление западного влияния с 1990-х годов; «вестернизация» (по англо-американскому образцу) отечественной ВШ после подписания Болонской декларации в 2000-е годы; разрыв связей с бывшими западными партнерами в сфере образования в русле событий 2022 г. наряду с поиском новых контактов ВШ, в т.ч. на азиатском и евразийском направлениях
Система подготовки	Сохранение практики «зарубежных командировок» лучших учеников в вузы Европы;	Создание специализированной структуры для подготовки	Налаживание комплексного механизма вузовской и послевузовской

<i>Продолжение таблицы</i>			
1	2	3	4
	появление собственных профильных учреждений; разработка образовательных моделей и требований к профессиональной подготовке, аттестации и повышению квалификации ППС ВШ (к началу XX в.); формирование кадрового потенциала по принципам «академического инбридинга»	научно-педагогических кадров – аспирантуры; акцент на совершенствовании системы подготовки ППС ВШ (с 1930-х годов)	подготовки ППС ВШ; особое значение аспирантуры, от результативности которой продолжает зависеть кадровый и интеллектуальный потенциал ВШ
Социально-экономические			
Социальный престиж	Формирование особого «интеллектуального сословия», социальное значение которого подтверждалось местом в Табеле о рангах; зависимость статуса от ведомственной направленности вуза	Особое отношение и поддержка ППС ВШ со стороны советского руководства; высокий социальный статус и уважение к научно-педагогическим кадрам в обществе	Сохраняющийся невысокий уровень социального престижа вследствие негативных стереотипов; нестабильности развития ВШ; высокой нагрузки и несоответствующей ей оплаты труда
Материальное положение	Дифференциация достатка в зависимости от ведомственного патронажа, а также от таких параметров, как стаж, статус и система гонораров; формирование основ системы социальных гарантий ППС; весьма достойное материальное обеспечение профессуры	Низкая почасовая оплата труда ППС на ранних стадиях развития советской ВШ (до 1937/38 уч.г.); последующий переход к штатно-окладной системе, способствовавший росту материального благосостояния (наряду с пенсионными гарантиями и товарным снабжением) ППС вплоть до конца 1980-х годов	Сокращение материальной господдержки ППС до «майских» указов; (с 2012 г.) формальное улучшение материального положения педагогических кадров ВШ наряду с сохраняющимися проблемами многозадачности, высокой нагрузки, вторичной занятости, снижения квалификационного уровня ППС

*Составлено автором.

Анализ представленных выше факторов (табл. 1) позволяет определить особенности формирования кадрового потенциала отечественной ВШ, которые являются общими на всех трех выделенных периодах ее эволюции. К их числу относятся: важная «роль государства» как источника финансирования и основного «заказчика» квалифицированных кадров для удовлетворения социально-экономических потребностей страны; цикличность и неоднозначность «зарубежного влияния»; необходимость совершенствования механизма подготовки профессорско-преподавательского состава; особая значимость факторов «социального престижа» и «материального положения» с точки зрения решения кадровых вопросов и проблем.

Представляется, что осмысление и усвоение богатого опыта становления отечественной системы ВО поможет разрешить текущие и предупредить будущие противоречия ее кадрового обеспечения. В свою очередь, это позволит российской ВШ занять достойное место в международном образовательном пространстве современности.

Список литературы

1. Бушуева Л.А., Бушуев А.С. История высшего педагогического образования в Советской России как предмет исследования (вместо предисловия) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 12–22.
2. Вахитов Д.Р. Образовательные системы СССР и Запада: сравнительный анализ преимуществ и недостатков // Вестник ТИСБИ. – 2014. – № 4. – С. 58–78.
3. Высшее образование в России: мониторинг // ВЦИОМ Новости. – 2024. – 26.11. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring> (дата обращения 01.06.2025).
4. Горбунов А.П. Российская высшая школа в условиях рыночных реформ 1990-х гг. // Новый исторический вестник. – 2006. – № 1(14). – С. 181–207.
5. Государственный бюджет СССР в 1940, 1946, 1950–1955 гг. // Исторические материалы. – URL: <https://istmat.org/node/18453> (дата обращения 01.06.2025).
6. Губернаторов Е. Ректоры назвали плюсы и минусы Болонской системы // РБК. – 2022. – 11.06. – URL: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2022/62a35d379a79470fde3a5839> (дата обращения 01.06.2025).
7. Гуркина Н.К. Из истории государственного руководства высшей школой в России (проблемы статуса, квалификации, материального положения преподавателей) // Управленческое консультирование. – 2023. – № 5. – С. 101–112.
8. Долгова Е.А. Как платили ученым: динамика и приоритеты советской научной политики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 27, № 1. – С. 120–137.
9. Долгова Е.А. Слушатели Института красной профессуры: рекрутирование, академическое движение, трудоустройство // Социологический журнал. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 124–140.
10. Жуков В.И. Социальный статус профессора в Российской и Советской Империях и в демократической России: историко-социологическая компаративистика // Сова. – 2016. – № 1(28). – С. 174–181.

11. Ильин Н. Кто преподает в российских вузах // Т-Ж. – 2024. – 20.08. – URL: <https://t-j.ru/greprod-stat/> (дата обращения 11.02.2025).
12. Ильина И.Ю. Возрастная динамика профессорско-преподавательского состава высшей школы: актуальные тенденции и оценка перспектив // Вестник НГУЭУ. – 2022. – № 3. – С. 128–139.
13. Ильченко Е.В. ЭС: Устав 1921 // Летопись Московского университета. – URL: <https://letopis.msu.ru/content/es-ustav-1921> (дата обращения 01.06.2025).
14. Императорские университеты Российской империи // Знание.Вики. – URL: <https://znanierussia.ru/articles/> (дата обращения 01.06.2025).
15. Индикаторы образования: 2024 : статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 416 с.
16. Калашникова О.В. Эволюция подходов к проблеме подготовки преподавателей высшей школы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – С. 58–67. – URL: <file:///Users/MacBookAir/Downloads/evolyutsiya-podhodov-k-probleme-podgotovki-prepodavateley-vysshey-shkoly.pdf> (дата обращения 01.06.2025).
17. Карамышева Е.Ю., Щанина Е.В. Социально-профессиональный статус российского преподавателя вуза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 5. – С. 24–28.
18. Князев Е.А. Проблема подготовки преподавателей высшей школы в России XIX в. // Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина. – URL: <https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2017/8-prep-vysshey-shkoly/3/knyzev.pdf> (дата обращения 11.02.2025).
19. Кожевина М.А. К вопросу о периодизации истории советского образовательного права // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 7. – С. 10–19.
20. Кудинов О.В. Зарплата профессоров в дореволюционной России // Экономика образования. – 2014. – № 4. – С. 84–85.
21. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 616 с.
22. Кумель Л. Образование в эпоху Хрущева: «оттепель» в педагогике? // Неприкосновенный запас. – 2033. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2003/2/obrazovanie-v-epohu-hrushheva-ottepel-v-pedagogike.html> (дата обращения 11.02.2025).
23. Левченко И.Е. Властное регулирование советской системы высшего образования // Культура и природа политической власти: теория и практика : сборник научных трудов / под общей редакцией А. А. Керимова. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 159–167. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/117061> (дата обращения 11.02.2025).
24. Мамяченков В.И. Возникновение и развитие системы высшего профессионального образования в России: проблема периодизации // Научный диалог. – 2018. – № 2. – С. 243–251.
25. Мартынова С.В. Привлекательность аспирантуры продолжает расти // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – 2023. – 15.05. – URL: <https://issek.hse.ru/news/833286044.html> (дата обращения 11.02.2025).
26. Матушанский Г., Завада Г. Подготовка преподавателя высшей школы в условиях ее модернизации // Высшее образование в России. – 2008. – № 3. – С. 27–32. – URL: <file:///>

- Users/MacBookAir/Downloads/podgotovka-prepodavatelya-vysshey-shkoly-v-usloviyah-eyo-modernizatsii.pdf (дата обращения 11.02.2025).
27. Нормативные документы об образовании в России // ГАРАНТ-Образование. – URL: <https://edu.garant.ru/education/law/> (дата обращения 11.02.2025).
28. О вторичной занятости профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов вузов г. Перми / Н.Б. Сорокина, Е.Б. Плотникова, Л.И. Геращенко, И.А. Германов // Университетское управление: практика и анализ. – 1999. – №1. – С. 47–50. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42432/1/UM-1999-01-14.pdf> (дата обращения 11.02.2025).
29. О законодательном обеспечении модернизации системы педагогического образования // Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. – 2010. – Вып. 13. – URL: <http://pda.iam.duma.gov.ru/node/8/4565/15711> (дата обращения 01.06.2025).
30. Образование в цифрах: 2024 : краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 132 с.
31. Педагогические направления вошли в число основных в приемной кампании 2024 года // Минпросвещение России. – 2025. – 17.01. – URL: <https://edu.gov.ru/press/9326/pedagogicheskie-napravleniya-voshli-v-chislo-osnovnyh-v-priemnoy-kampanii-2024-goda/> (дата обращения 01.06.2025).
32. Писанова А.К. Модернизация российской высшей школы: проблемы финансирования (к историографии вопроса) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 2(196). – С. 75–82.
33. Профессии в России: престиж, доходность, востребованность // ВЦИОМ. Новости. – 2023. – 05.07. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost> (дата обращения 01.06.2025).
34. Рост бюджета на высшее образование может не перекрыть инфляцию // Российский союз ректоров. – 2024. – 22.11. – URL: <https://rsr-online.ru/news/2024/11/22/rost-rashodov-na-vysshee-obrazovanie-mozhet-ne-perekryt-inflyaciyu/> (дата обращения 01.06.2025).
35. Рубцов Ф.С. Проблемы кадрового обеспечения российской системы высшего образования // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 3(11). – С. 70–77.
36. Рудаков В.Н. Заработная плата российских преподавателей и ученых: дифференциация, структура и составляющие эффективного контракта : информационный бюллетень – Москва : НИУ ВШЭ, 2023. – 36 с. – URL: [https://www.hse.ru/data/2023/04/11/2027847314/ib_7\(49\)_2023.pdf](https://www.hse.ru/data/2023/04/11/2027847314/ib_7(49)_2023.pdf) (дата обращения 11.02.2025).
37. Рынок труда, занятость и заработная плата // Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения 01.06.2025).
38. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике // Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. – 2003. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B03_14/IssWWW.exe/Stg/d010/i010520r.htm (дата обращения 01.06.2025).
39. Средние зарплаты 1940–1955 гг. // Livejournal. Ihistorian. – 2011. – 12.11. – URL: <https://ihistorian.livejournal.com/412544.html> (дата обращения 01.06.2025).
40. Средняя заработная плата работников списочного состава // ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/58809?id=58809> (дата обращения 11.02.2025).

41. Тараканов А.В., Таточенко А.Л., Скрынченко Б.Л. Высшее образование в России: основные этапы и перспективы развития – Москва : Юстицинформ, ИГА, 2024. – 281 с.
42. Татарнинова Е.А. Влияние системы образования на экономический рост // Вестник университета. – 2024. – № 5. – С. 129–136.
43. Федорова А.Л. Педагогические взгляды Пирогова Н.И. На проблемы науки и образования в университетах и современность // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2018. – Т. 3, № 3(22). – С. 62–66.
44. Феофанов А.М. Профессора-иностранцы в российских университетах во второй половине XVIII – первой половины XIX века // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professora-inostrantsy-v-rossiyskih-universitetah-vo-vtoroy-pолоvine-xviii-pervoy-pолоviny-xix-veka> (дата обращения 01.06.2025).
45. Фомичев И.В. Интеграция России в Болонский процесс. Чем это закончится? // Территория науки. – 2013. – № 2. – С. 62–77.
46. Хохлов Е. Б. «О правовом статусе преподавателей университетов Российской империи» // Ежегодник трудового права. – 2024. – Вып. 14. – С. 7–27.
47. Численность профессорско-преподавательского персонала образовательных учреждений высшего профессионального образования // Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. – 2011. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d2/07-50.htm (дата обращения 01.06.2025).
48. Чуева Д.Г. Болонский процесс в восприятии преподавателей вузов // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. – 2011. – С. 297–302. – URL: <file:///Users/MacBookAir/Downloads/bolonskiy-protsess-v-vospriyatii-prepodavateley-vuza.pdf> (дата обращения 01.06.2025).
49. Шеховцов А.Н., Шеховцова Н.А. Традиции Болонского университета и современный Болонский процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. – 2013. – № 1(23). – С. 151–157. – URL: <https://volsu.ru/upload/medialibrary/9b9/3.%D0%A8%D0%B5%D1%85%D0%BE%D0%B2%D1%86%D0%BE%D0%B2%D1%8B.pdf> (дата обращения 01.06.2025).
50. Шипилов А. Зарплата российского профессора в прошлом, настоящем и... будущем // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2003. – № 4. – С. 33–42.

Статья получена: 06.06.2025

Одобрена к публикации: 26.07.2025.